

Коллекция Современной Прозы

Борис Барановский
**ЧЕЛОВЕК
О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ**

Борис Барановский
Человек о человечестве
Серия «Коллекция современной прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48722848

*Человек о человечестве:
ISBN 978-5-00153-133-3*

Аннотация

В предлагаемом литературоведческом исследовании, составляющем основу данной книги, автор выдвигает свою версию разрешения пресловутой «загадки Зилова», главного героя драмы Александра Вампилова «Утиная охота». Борис Барановский считает, что загадки-то никакой нет, а есть неумение или нежелание внимательно читать художественное произведение. Демонстрируя своё прочтение «самой загадочной пьесы А. Вампилова», автор в то же время находит истоки традиционного толкования драмы, которое, «по его подозрению», порождено другим классиком и земляком – Валентином Распутиным. Б. Барановский также включил в это издание свои воспоминания о студенческих годах А. Вампилова и В. Распутина, с коими довелось постигать основы филологии в стенах «альма-матер» – Иркутского государственного университета.

Содержание

Тайна Вампилова» – была? «Загадка Зилова» – разгадана?	6
Критикуя критиков...	7
Печаль человека о человечестве	10
Часть первая	10
Фарисей – он чиновника страшней	12
«Свинцовые мерзости жизни»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Барановский

Человек о человечестве

© Борис Барановский, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Борис Анатольевич Барановский (1940 г. р.) – журналист, педагог, выпускник историко-филологического факультета Иркутского государственного университета 1962 года. Работал учителем русского языка и литературы в городе Тайшете Иркутской области, затем – заведующим районным отделом народного образования, журналистом, зав. отделом и заместителем редактора Тайшетской районной газеты.

С 1983 года живёт в городе Усолье-Сибирское Иркутской области.

Является автором двух книг: «Вглядитесь в зеркало страниц» (избранные статьи, зарисовки, юморески, рецензии, проза, стихи, публиковавшиеся на страницах местной прессы и литературно-художественных альманахов) и «Человек о человечестве – Вампилов, Зилов, Распутин» (литературоведческое исследование).

Тайна Вампилова» – была?

«Загадка Зилова» – разгадана?

Если попросить любого эрудита, по крайней мере, в объёме школьной программы, коротко ответить на вопрос, кто такой Евгений Онегин, можно не сомневаться, что ответ будет однозначным: «Лишний человек»! Никто не скажет, что это убийца, оболститель, тунеядец, отщепенец – по большому счёту, негодяй. То же и о Печорине. А доктор Фауст ещё и трус, и фактический погубитель собственного дитя. Никто не скажет, что авторы нарисовали данные образы с единой целью – показать падение человека, допустившего некие жизненные просчёты. А вот почему-то аналогичного героя «Утиной охоты» большинство критиков видит именно в вышеозначенном негативе. Почему?

Этот вопрос Борис Барановский задаёт читателю и сам же на него отвечает в предлагаемом литературоведческом исследовании, составляющем основу данной книги.

Автор также включил в это издание свои ранее публиковавшиеся в печати воспоминания о студенческих годах Александра Вампилова и Валентина Распутина, с которыми довелось постигать основы филологии в стенах «альма-матер» – Иркутского государственного университета.

Критикуя критиков...

... мы приближаемся к пониманию истины... Или у Вас, уважаемый читатель, есть другое продолжение фразы?

Уже одно то, что у Вас в руках эта книга, говорит о многом, например, о том, что Вы человек глубоко мыслящий, поэтому основательно относитесь к любому серьёзному делу, а чтение таких книг – не лёгкая прогулка... А если ещё Вы любите разгадывать не только ребусы и кроссворды, а куда более интересные литературные головоломки, то одна из них (да и не одна) – перед Вами. Там, где попроще, можете вслед за автором применить дедуктивный метод. А вот чтобы разгадать главную загадку, только дедукцией не обойдёшься. Эта заморочка – уже набившая всем приличную оскомину, есть не что иное как «загадка Зилова», порождённая «тайной Вампилова» в его самой замысловатой драме «Утиная охота». Над загадкой литературо-театроведы бьются чуть ли не полвека, многие голоса вроде сплелись почти в слаженный унисон, но есть и диссонансы. Автор данной книги пресловутой загадке посвятил немало убористых страниц, хотя уже в самом начале твёрдо заявил: никакой загадки-то и нет!

Неплохая завязка для первого знакомства с автором. Если всё издание проштудируете, то знакомство можете расширить до информации о том, что Борис Барановский ещё

в студенчестве копал картошку с будущими корифеями литературного творчества А. Вампиловым и В. Распутиным – это на обязательных в то время сельхозработках. Ну а в другое время они дружно постигали мудрости филологии, правда, на разных курсах Иркутского госуниверситета. Едва ли тогда младшекурсник мог догадываться, что сведёт старших товарищей в своём творении, будет подмечать специфические особенности двух творческих натур.

Вообще-то свёл их в работе «Печаль человека о человечестве» не столько автор, сколько главный герой «Утиной охоты» – Зилов, тот самый, что загадал свою загадку, которая то ли есть, то ли нет, и чтобы разгадать её, одной дедукции мало. Так что же ещё? А ещё, да не ещё, а в первую очередь, надо научиться внимательно читать (!) Вампилова, – заявляет Б. А. Барановский, отмечая в работах оппонентов ряд примеров противоположного толка.

Кроме этого – совсем уж банальная с виду истина – надо ещё правильно понимать прочитанное, улавливать авторский замысел, не допускать необоснованных домыслов, а естественно-логические выводы подкреплять «увесистыми» аргументами, чего не хватает отдельным толкователям вампиловской драматургии. Подобный упрёк слышится и в адрес Валентина Распутина в связи с его бездоказательной, на взгляд автора, обрисовкой образа Зилова – всё априори!

Борис Барановский поддерживает и старается подкреплять дополнительными примерами наличие художественных

приёмов Вампилова, элементы абсурда, парадоксальности, эксцентрики, которые пышным букетом расцвели в «Утиной охоте» и практически исчезли в «Чулимске». Он призывает «войти в мир Вампилова», чтобы постичь «тайну его» художественных построений, занимательно повествует о внутреннем и внешнем развитии сюжета, о «подводном течении» действия, развивающемся на эмоциональном фоне.

Одной из причин сомнительных, на его взгляд, толкований автор считает то, что большинство интерпретаторов рассматривает персонажей драмы исключительно в бытовом ракурсе, без учёта вампиловской символики, поэтому ему так приглянулись слова М. Бычковой об «экзистенциалистском прочтении» «Утиной охоты».

Я много внимания уделил главному разделу книги, но надо бы ещё больше...

Валерий Туровец, актёр, режиссёр, поэт

Печаль человека о человечестве

Часть первая

«Жизнь, в сущности, проиграна»

*Восторги улеглись – непонимание осталось
Покончим с «зиловщиной», наконец
И с Распутиным поспорим
Убили без выстрела. «Живой труп» нашего
времени
Пессимистами быть не хотим, а реалистами
не получается
Критика без логики – софистика
Детективный эпилог*

«Восторженное непонимание Вампилова». Этот оксюморон появился более сорока лет назад. И что же сегодня? Восторги поулеглись, непонимание осталось. «Тайна Вампилова», «загадка Зилова» – эти слова повторяют по сей день аналитики, и у каждого своё постижение той самой тайны. Вторжение в проблему я делаю с затаённым желанием «расставить точки над «i» в затянувшейся дискуссии, тем более – в недавней своей статье «Прошлым веком в Иркутске» (Журнал «Сибирь», № 3, 2016 г.) я пообещал читателям расшифровать «загадку Зилова», что может показаться весьма само-

надеянным, но в противном случае стоило ли браться за перо...

Как известно, неприятие, или непризнание, или, лучше сказать, настороженное отношение к прозаику, сопровождало его в течение всего весьма непродолжительного творческого пути. В воспоминаниях многих современников рисуется «горемычная» фигура автора, обивавшего пороги театров и прочих заведений, где могла решиться судьба его творений, сейчас знаменитых, а тогда отвергаемых. Ныне мы готовы метать громы и молнии в адрес деятелей, своевременно не распознавших талант. Однако пускать стрелы по поводу непонимания едва ли разумно, да и не совсем справедливо. Как говорят, грех смеяться над убогими. Каждый разумеет в силу своего интеллекта и годами спрессованных традиций. Большинство этих людей совершенно искренне не принимало непохожего на признанных корифеев «провинциала» и, казалось бы, из самых лучших побуждений боролось с отступником от канонов соцреализма. Олег Ефремов высказался по этому поводу едко и самокритично: «Очень распространено мнение, что пьесам Вампилова мешали только некоторые не в меру ретивые чиновники. К сожалению, мешали и стереотипно устроенные наши собственные мозги». Стоит ли на это роптать? Возмущать должно другое: мания запретительства, царившая в то время. Вместо того чтобы представить произведение на суд публики, «ответственные товарищи» устраивали свой суд, точнее самосуд, над авто-

ром. Сейчас нам хорошо известно, сколько талантливых творений в разных видах искусства не увидело в своё время читателя и зрителя, сколько кинолент годами пылилось на полках, сколько шедевров с неимоверным трудом пробивалось в свет. Бюрократу от советской идеологии легче и проще было перестраховаться от возможных неприятностей путем запрета, чем рисковать карьерой. Бог им судья, и понять их, как видим, нетрудно. Но как прикажете понимать тех, кто вроде бы «за» и как бы «против»? Вроде бы сторонники и даже будто друзья?

Фарисей – он чиновника страшней

«Врагов имеет в мире всяк, но от друзей спаси нас, боже!» – писал Пушкин. Общеизвестно, что вопрос о запрете на печатание «Прошлым летом в Чулимске» в альманахе «Ангара» отрицательно решило высказывание на заседании редколлегии Вячеслава Шугаева, не просто друга, а соавтора и спутника, с которым делили кров и хлеб, мыкаясь по столичным редакциям в продвижении своих творений. (Шугаева в связи с «Чулимском» позже ещё вспомним...) В этом отношении показательна статья доктора философии Николая Коноплёва «Страсти по Вампилову, или Куда ведёт «Утиная охота»? – «антропофилософское... с «метистированным накатом» исследование (выражаясь наукообразным стилем самого автора статьи), а по факту – схоластический опус,

размазывающий драматурга по стенам соцреализма. Смакуя этот термин, не забыв отдать должное революционному прошлому, якобы «утверждавшему народное творчество» («фокусом утверждаемого Великим Октябрем (1917) народного творчества высветился обобществлённый индивид»), философ ловко смешивает «за здравие и за упокой», не очень-то заботясь о корректности выражений, типа: «Вампилов имел самую что ни на есть интимную предрасположенность к написанию пьес», «драматург...

взбадривает изложение «картинно обставленными тремя действиями», «драматург, не справляясь с принципами соцреализма...» А уж категоричность формулировок просто шокирует: «...автор уже не владеет темой», «это мелко для жанра, где А. В. Вампилов признан «наставником», «автор как будто не знает, что ему делать с персонажем. И он бросает его во все тяжкие...», «Ненастоящий, «стелющийся ревизионистским лоском» антураж подталкивает талантливого, но «скомканного злобой дня» художника (как таковой он – Вампилов) на сделку со своей поэтической совестью». Вот так! Ни много – ни мало.

С той же бесцеремонностью Н. Коноплёв позволяет себе вторгаться в личную жизнь писателя. Мы с удивлением должны узнать, что, оказывается, «А. В. Вампилов, **как сын репрессированного учителя**, был заинтересован анализом того «стечения обстоятельств»... которое позволило великому народу выдержать испытания». Не мудрствуя лукаво

(нет, наоборот, мудрствуя) поправил Вампилова не только в написании произведений, но и в семейных делах:

«Содержание пьесы излагает неудавшуюся семейную жизнь писателя, его нежелание искать компромиссы с близким человеком». Нам остаётся только посетовать, чего же это Александр Валентинович не посоветовался с младшим однокашником по университету, бывшим филологом, а ныне философом Николаем Сергеевичем, как ему устанавливать взаимоотношения с близким человеком и с кем именно.

А философ делает очередной убийственный вывод: «... персонаж неизбежно кивает в сторону его создателя, заявляя: «Он такой же». И в этом сюжетном обороте таится невольный просчёт Вампилова...» Вот так! Сплошные просчёты в работе и в судьбе. Оставим на совести советского учёного его менторский тон, пренебрежение и беспардонность по отношению хотя бы к памяти выдающегося земляка. Но как на этом фоне выглядят запоздалые реверансы: «Вампилов – новатор!», «Подлинное новаторство Вампилова, подтверждающее его «реноме классика», заключено в воспоминаниях Зилова»(!) А завершается статья боевым панегириком:

«Вот она – объективно-партийная поддержка шедевра А. В. Вампилова... Со временем эта оценка обрела углублённое звучание, что подчёркивает художественную многомерность искусства социалистического реализма, перспективы которого творчески воспроизвёл классик советской литера-

туры, иркутянин Александр Валентинович Вампилов».

За этим «объективно-партийным» словоблудием легко просматривается лицемерно-фарисейское отношение к Александру его псевдосторонников, о которых упоминают почти все, кто видел его мытарства по редакциям и театрам: в голос хвалили автора, кричали о его таланте, большом будущем и при этом не давали хода его творчеству. И не случайно, например, в моём представлении осталась одинокая фигура у «парадных дверей». Где же вы были, друзья-товарищи, доброжелатели?

«Нужно быть готовым к тому, что останешься один», – такое горькое признание услышал от него и запомнил Д. Сергеев.

«Свинцовые мерзости жизни»

*...В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.
(А. С. Пушкин)*

Пожалуй, в большей степени чувство одиночества вызывали у драматурга не столько проволочки с опубликованием, сколько массовое непонимание того, что он, казалось, выражал довольно ясно, – разумеется, в художественной форме, где-то и усложнённой. Наибольшая разногласица, как известно, – вокруг «загадочной» фигуры Зилова, центрального персонажа драмы «Утиная охота». Я, в общем-то, разде-

ляю недоумение автора по поводу непонимания и, приступая к разрешению «загадки» Зилова, наперёд заверяю (можете счесть это за полемическое заострение), что в принципе никакой загадки нет (на авторство открытия не претендую, ибо оно уже запатентовано другими), а есть неумение или нежелание внимательно читать произведение и постигать смысл прочитанного или увиденного на сцене сквозь призму авторских приёмов, иногда сознательно направляющих читателя по ложному маршруту.

Но прежде чем добраться до «Утиной охоты», необходимо отметить один важнейший момент. Почему-то большинство аналитиков, даже авторы крупных монографий, на чисто игнорируют внутривополитическую обстановку страны того времени, в которой жили творцы и их герои. Поразительная аполитичность практически исключает объективный анализ. Рассматривая действующих лиц «Охоты» в общественно-политическом вакууме, критики не в состоянии оценить поступки того же Зилова на историческом фоне, поэтому им ничего не остаётся кроме как вынужденно втискивать его в традиционные рамки то подонка, то героя, а то и вообще нарекать загадочной фигурой. И даже те рецензенты, которые касаются духовной атмосферы СССР, замечают это вскользь и мало связывают её с судьбой и характеристикой персонажей.

Поэтому необходимо хотя бы вкратце обрисовать, в каком котле нравов мы все варились во второй половине прошлого

века. Это нужно в первую очередь новому поколению, которому непросто представить события и колорит полувековой давности, да и старшим тоже не мешает напомнить. Вначале приведу высказывание одного из тех, кто не обходит данную тему. Драматург Геннадий Никитин в очерке о Вампилове очень точно охарактеризовал систему нравственных отношений того времени:

«И через пятьдесят-шестьдесят лет после революции такие понятия, как раздвоенное сознание, раздвоение личности и тому подобное, всё ещё принимались в штыки. Хотя именно в тридцатые-сороковые, а тем более в шестидесятые-семидесятые годы **раздвоенное сознание становится явлением почти что обыденным и опускается до пошлой «двойной морали»: думаем одно, делаем другое** (От себя добавлю: говорим третье).

Но пришёл Вампилов. С ним появилась новая русская драма». (Геннадий Никитин, «Опыт Вампилова»).

Лучше едва ли скажешь. Тогда и укоренилось выражение «ходить с фигой в кармане». Спросите, молодые, у дедушек-бабушек, что это такое, и они поведают, как в те времена – то волюнтаризма, то застоя – никто не говорил о нашей жизни, что думает, каждый должен был публично изрекать лишь то, что разрешалось говорить. Святой обязанностью было воспевать мудрость компартии, славословить вождей (Хрущёва, потом Брежнева), которые стали достойными героями только анекдотов. Мы все задыхались в этой ат-

мосфере, однако выступать против было равносильно самоубийству. Система выстроила непробиваемую броню защиты, которая рухнула только вместе с самой системой. Но это будет через десятилетия, а пока власти пресекали не только малейшее вольномыслие, но даже мало-мальский намёк на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.